

ТРУП В ПРУДУ

РОБЕРТ КАЗАНСКИЙ

Роберт Казанский

Труп в пруду

Серия «RED. Детективы и триллеры»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67909277
ISBN 978-5-04-172643-0

Аннотация

Трое друзей, испытывающих финансовые трудности, решают объединиться и открыть собственное дело. Купив землю в Серпухове и обустроив там офис, друзья не могли подозревать о предстоящих опасностях.

На обочине дороги обнаружена отрубленная человеческая кисть, следствие в тупике, местные жители в ужасе: неужели в округе орудует маньяк? Но дело обстоит гораздо серьезнее, и в игру вступает сыщик-любитель Якуб Хикматов, которому помогут его верные напарники по бизнесу. Вот только сможет ли Хикматов добиться правосудия? Или, быть может, труп в пруду навсегда останется неотмщенным?

Комментарий Редакции: Вопрос о том, кто же убийца, – конечно, весьма тревожащий. Но куда страшнее другое: что делать, когда опытный следователь опускает руки?

*Запутанный и нервный детектив, который больше
склоняется в сторону жесткого и леденящего триллера.*

Содержание

1	5
2	25
3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Роберт Казанский

Труп в пруду

1

Просторная кухня, светлая, точно утопающая в нежно-зеленых обоях, с прекрасным кухонным гарнитуром того же оттенка создавала ощущение небывалой легкости и прилива сил. Здесь же была дверь на балкон, который был забит всякой всячиной настолько, что прохода там не было, а дверь служила неким порталом в потусторонний мирхлама и ненужных вещей. Вообще, данные помещения в нашей стране почему-то не используются так, как в Европе, где на балконе люди отдыхают в теплое время года за чтением книги или просто сидят в кресле. В России же лоджии¹ используются для отдыха, максимум, в качестве своего рода «курильной комнаты». То ли таков наш российский менталитет, то ли слишком маленькие площади этих помещений, выделяемые застройщиком, становятся причиной такого использования в нашей стране.

Я сидел и доедал свою яичницу-глазунью с жареной колбасой, луком и помидорами. Что ни говори, а это блюдо было горячо любимо мной, так что соперничать с ним смог бы

¹ Здесь – то же самое, что и «балкон».

не всякий кулинарный шедевр. Покончив с едой, я заварил себе кофе и уселся поудобнее: кофе всегда требует некоего расслабления. Из большой комнаты доносился голос моей тетушки, который возвращал меня в то безмятежное время, что называется «детством». Господи, отдал бы все за то, чтобы хоть раз вновь побывать на кухне, где сидят родители и что-то бурно обсуждают, а тебе лет семь – ничего тебя не волнует, ты только сидишь и слушаешь, пытаясь встравать в разговор, дабы все поняли, что ты уже взрослый. Поистине бесценное время.

– Денис! – тетушка закончила телефонный разговор и обратилась ко мне прямо из комнаты. – Дорогой мой! Ты поел?

– Да, все было очень вкусно! Посуду я сейчас вымою. Все хорошо? – зайдя к ней в комнату, спросил я.

– Не очень, сынок! Помнишь, какой ужасный ветер вчера поднялся? – она сняла очки и закусила правое ушко, устремив взгляд куда-то в стену. – То-то! Я сегодня поеду в деревню – в переднем огороде нашего дома рухнуло дерево. Тетя Тоня говорит, что дому «кранты». Но ты же понимаешь, как она любит преувеличивать.

– Надеюсь, ничего ужасного! С тобой поехать?

– Нет, Денис! Оставайся дома! Я уеду сегодня же вечером на пару дней, пока не разберусь там со всем. К тому же, кто-то обещал мне к июлю найти работу. Как твои успехи? Ты ведь знаешь, что я не люблю бездельников, сынок!

– Ну, сегодня только восемнадцатое июня...

– Опять не ищешь! – резко перебила она меня. – На одну мою пенсию мы уже не проживем, сынок. Поэтому шевели своей наглой задницей и ищи работу! – в завершение и для придания своим словам силы старушка недовольно цокнула и поднялась со своего любимого бежевого дивана. Тетушка даже ругалась очень мило: нет-нет, да все равно улыбка пробегала по ее испещренному морщинами лицу. Любимее и роднее этого лица для меня не было ничего, да и вряд ли когда-нибудь будет.

Я допил кофе и, как и обещал тетушке, вымыл посуду. Ситуация, конечно, не из легких. И я не про посуду. Куда я устроюсь на работу? Страна только восстанавливалась от губительного удара первой волны китайского вируса. До своего сокращения я работал сборщиком мебели в одном из лидеров мебельной отрасли, а потом жажнул кризис, и мне пришлось написать заявление, что называется, «по собственному».

Деньги, в принципе, я зарабатывал неплохие, но работа мне не нравилась, домой я возвращался физически и морально измотанным. Сами посудите – приезжаешь на первый объект обычно в десять, а то и в девять утра. И вот за день нужно объехать от трех до шести таких объектов. За целый день я очень сильно уставал, работа требовала очень хорошей физической подготовки. А еще эта постоянная смена объектов: иногда попадались очень приличные квартиры и хозяева, а потом как раз – и вот тебе, грязная, вонючая

квартира с обшарпанными обоями и запахом псины. И ты сидишь, терпишь все это, чтобы в конце месяца получить хорошие деньги. Вы бы сильно удивились, узнав реальную зарплату «какого-то там» сборщика мебели. В Москве, конечно, платят хорошо. Я вообще считаю, что в Москве работу найти всегда можно! Хотя, судя по моим последним поискам, это кажется и не столь уж простой задачей. В общем, моя ситуация, как и все в нашем мире, несколько двояка.

Но не для работы сборщиком мебели я закончил в прошлом году Плехановский институт. И по диплому я, вообще-то, квалифицированный маркетолог. Но каким бы квалифицированным я ни был, работал я на сборке мебели, иначе бы помер с голоду и не дожил бы до сегодняшнего дня. Теперь я твердо решил устроиться по профессии: я прекрасно знал ту область, в которой хотел работать. Как-то уж очень несправедливо: четыре года бесплатного обучения, самостоятельное написание всех работ: и курсовых, и дипломных и всех-всех-всех, а все ради чего? Ради сборки мебели? Тьфу! Я твердо вознамерился устроиться работать по специальности, а иначе, зачем все это надо было начинать?

За последнюю неделю я побывал на трех собеседованиях, и все они шли по типу: «Нам нужен молодой специалист с высшим образованием. Минимальный опыт работ – от трех лет». Ну, скажите мне на милость, как я, молодой парень двадцати четырех лет, могу иметь трехлетний опыт работы, если все отказывают мне в работе, ссылаясь на нехватку опыта?

Ну разве не до боли комичная ситуация? Нет, в этой стране явно что-то не так с подходом к кадровой политике.

С такими мыслями я выходил из квартиры. Разумеется, целью моей вылазки не было очередное собеседование – я запланировал встречу со своим близким другом. Быстрыми шагами я шел по хорошо знакомому мне маршруту до метро. Хоть убейте, но вид станции «Калужская» меня просто угнетает: какие-то ужасные стены и депрессивный вид. «Коньково» или «Беляево» куда приятнее глазу!

Ехал я на «Лубянку», ведь встретиться мы договорились в кальянной на этой станции метро. По-моему, чудесное место: центр, удобно ехать, так еще и никакого утреннего часа пик, что тоже немаловажно.

Ехать было недолго, и вскоре я пересел на фиолетовую ветку. Стоит отметить, что на этой ветке ездят только новые поезда «Москва», которые мне очень сильно нравятся. Справедливости ради отмечу, что в старых поездах темно-синего цвета тоже есть своя романтика.

Итак, в двенадцать часов дня я уже был на Лубянке. Я шел по Театральному проезду и восторгался красивым и ухоженным центром Москвы. В последнее время на благоустройство столицы выделяют очень много бюджетных средств. Конечно, простых гуляк, каковым я и являюсь, это не может не радовать. Главное преимущество центра – все, что тебе нужно, непременно находится в шаговой доступности.

Очевидно, что не всем нравится проводимая московской

мэрией политика. Я тоже не могу себя причислить к их ярым сторонникам, тем не менее, не могу не отметить тот факт, что теперь хотя бы нет ощущения того, что Москва – это какой-то большой рынок, как это было при прошлом мэре. Все же помнят времена, когда на выходе из метро тебя встречал какой-то базар: то булочные, то палатки с одеждой, то сувениры, то вообще не пойми что. Сейчас Москва напоминает огромнейшую стройку, которая не заканчивается годами. Только отстроили что-то, тут же строят что-то другое. Но разве это плохо?

Я только что открыл сообщения в WhatsApp и понял, что меня уже ожидают за столиком в кальянной. В спешке я поднялся по крутой лестнице и, поздоровавшись с администратором, направился к столикам у окна. На мгновение я остановился и подумал о том, как хорошо сейчас проведу время, отвлекшись от нудящих родных по поводу моего тунеядства. Я, мой приятель и легкая беседа.

За столом, с трубкой кальяна в руке, сидел мой ровесник – давний знакомый, приходивший мне на выручку не один и не два раза. Уткнувшись в экран смартфона, он по-прежнему меня не замечал. Спортивный костюм серо-зеленого цвета, ослепительно белые кроссовки и кепка на столе – Марк так одевался всю мою сознательную жизнь. Лишь изредка он мог отдать дань уважения неспортивной одежде и надеть джинсы с кофтой, а с классикой и вовсе сталкивался не чаще пары раз в год. Лицо парня было, разумеется, не лишено

симпатичных черт, однако преобладали другие черты, явно намекающие на грубость, необузданность характера. Черные волосы, карие глаза и маленький нос лишний раз служили этому доказательством.

– Доброе утро, бездельник! – громко сказал я, протягивая ему руку, и сел на кресло напротив него. – Давно ждешь?

– Утро доброе, Ден! Да я пришел минут пятнадцать назад, может больше. Я был первым посетителем, кальян мне сделали быстро. Как ты? Как поживает тетя Алла? – Марк расплылся в улыбке.

– Слава богу, все хорошо! Уезжает сегодня в деревню. Можем сегодня посидеть у меня, пропустить по рюмке чая, – я ухмыльнулся, ожидая реакции своего визави.

– Отлично! Но вообще-то я позвал тебя сюда не ради обсуждения отдыха. У Якуба есть дело, – серьезно сказал мне Торбов.

– Давненько я с ним не общался. Что за дело? – я взял у Марка трубку для кальяна и в ожидании ответа затянулся сладким дымом. Нежный персиковый вкус с нотками мяты. Эти табаки мне понравились. Радовало, что отечественная кальянная индустрия процветала: большинство табачков в заведениях были отечественными.

– Ты же маркетолог? Я, если ты помнишь, автомеханик...

– Да, я помню. Ты ведь так и продолжаешь работать в этой шиномонтажке?

– Ну, как тебе бы это сказать. Еще вчера я там работал,

а вот сегодня уже свободен, точно ветер в поле, – Торбов небрежно улыбнулся. – Понимаешь о чем я?

– Как? Зачем же ты ушел? – опешил я, пропустив мимо ушей его вопрос. – Платили ведь неплохо.

– Ты мне не даешь договорить, Ден! Я вчера виделся с Якубом, у него для нас кое-что есть. Я думаю, пусть лучше он сам тебе все расскажет. Кстати, наш массовик-затейник скоро уже подойдет. Так сколько ты говоришь, вы с ним не виделись уже, а?

– Я даже не вспомню так сразу. По-моему, перед новым годом, если мне не изменяет память... Да, в декабре! Я брал у него денег в долг. Там немного, тысяч двадцать пять-тридцать, но просить тогда реально было не у кого больше, сам понимаешь.

– Тогда вам будет, что обсудить! – Марк улыбнулся и откинулся на спинку мягкого светло-зеленого дивана, продолжая о чем-то усердно думать. – Давай пока обсудим футбол, дружище!

Мы горячо спорили на футбольные темы, ругая руководство «Спартака» и ставя им в пример руководство «Краснодара». Веселились мы от души, притом даже не заметив, как кальянная начала забиваться и совсем скоро была уже почти полностью забита. Ничего удивительного – центр, выходной день.

Я повернул голову направо и увидел, как Якуб пододвинул к столу мягкое кресло красноватого оттенка и не без удоволь-

ствия плюхнулся в него. Он почти не изменился с момента нашей последней встречи: то же безукоризненное чувство стиля, чистая одежда и приятный парфюм. На меня внимательно смотрел грозный, спортивного телосложения, парень с густыми, но аккуратными бровями и небольшим шрамом на щеке. Якуб вытянул свои пухлые губы и присвистнул.

– Денис! Меня пугает твой взгляд. Не бойся ты так, дружище, деньги ты ведь вернул уже давно! – он залился искренним смехом, мы с Марком улыбнулись.

– Как же я давно тебя не видел, Якуб! По-моему, ты стареешь, – улыбки не исчезали с наших лиц. Вот что значит встреча друзей детства, что не собирались вместе очень долгое время.

Мы еще долго смеялись, передавая по кругу трубку кальяна, и, я уверен, смеялись бы и дальше, если бы Якуб в один момент не нарушил эту ностальгическую идиллию.

– Шутки шутками, товарищи! У меня к вам дело. Марк кое-что уже знает об этом. Тебе же, Ден, я объясню все заново. Возьмите кальян кто-нибудь! – протягивая трубку сначала Марку, а потом мне, сказал Якуб. – Слушайте еще раз! Я прекрасно знаю все ваши сильные и слабые стороны. Каждый из нас сейчас находится в нелегком положении, я это прекрасно понимаю. Я предлагаю вам, товарищи, следующее: стать учредителями фермерского хозяйства, так сказать, аграрного бизнеса. Мы втроем откроем ферму, все по закону, все чисто. От вас сейчас требуются лишь две вещи –

согласие и возможность внести деньги в уставный капитал. Слушаю ваши вопросы!

– По-моему, это не самое прибыльное дело, Якуб.

– Ден! Наоборот, у меня есть на примете место в Московской области, там и будем работать. Конкурентов нет, они все разорились из-за коронавируса. Тихая деревушка с пятью десятками жителей, с сельсоветом я уже договорился.

– Якуб! – немного туманный взгляд Марка был обращен в сторону нашего «главного фермера». – Я ни черта не смыслю в фермерстве и прочем. У меня хорошо выходит чинить тачки и все такое – это мой максимум. Если ничего другого от меня не будет требоваться, то я с радостью принимаю твоё предложение, Хикматов!

– Прекрасно! Это изумительно!

– Что от меня нужно? – Марк не был, что называется, семи пядей во лбу. Он привык к четким инструкциям и был простоватым человеком. Таким людям как он, нужно говорить все прямо в лоб – «надо сделать то и то, Марк, за это получишь это и это».

– Сможешь достать эту сумму? – Якуб протянул ему несколько скрепленных степлером листов бумаги. На первой странице желтым текстовыделителем была выделена заветная цифра.

Мы с Марком посмотрели в бумаги, переглянулись и одновременно кивнули. Стоит отметить, что банки сейчас активно выдают кредиты. Я не боялся за свои деньги: Якуб –

это тот человек, которому можно довериться во всем. Мне было понятно, что дело обязано обвенчаться успехом. А если не обвенчается, то так уж и быть – значит, не судьба мне стать квалифицированным маркетологом, вернусь обратно на сборку мебели. Думаю, игра стоит свеч.

Что касается Марка, то за него можно быть спокойным: меньше знает, крепче спит. Ему что объясняй, что не объясняй – если он захочет что-то сделать, то его уже не отговорить, а если упрется и не захочет, то никакими правдами-неправдами не уговоришь сделать. Вот и сейчас: ему понравилась идея, понравились красивые слова Якуба и все, дело в шляпе.

Видимо, именно поэтому Торбов и любил ставки на спорт, азартные игры и всякие споры на деньги. Особенное место в его сердце занимал покер, хотя и играл он в него просто из рук вон плохо. Но убедить его в этом было невозможно: он почему-то был четко уверен в том, что играет не хуже каких-нибудь финалистов международных покерных турниров.

– В общем! – улыбчивое до сего момента лицо Якуба резко изменилось и стало серьезным. – Я должен получить от вас деньги до следующей пятницы. Поверьте, дело того стоит! У меня на руках огромное количество предложений. Вы же знаете, что я всегда предвижу все наперед. Но сразу предупрежу – если прогорим, я вам ничего не верну, парни. Вы это должны четко понимать.

– Я понимаю, Якуб, – лицо Марка выглядело несколько потерянным. – Но ты лучше скажи вот что: даже если мы скинемся по той сумме, что требуется от нас по договору, этих денег все равно не хватит для полноценного функционирования фермы. Многоуважаемый партнер, ты что-то недоговариваешь.

– Марк, передай мне кальян, – глаза Якуба сверкнули огнем всего на мгновение и тут же потухли. – Я очень хочу реализовать это дело. Оставшуюся сумму мы возьмем в кредит уже в качестве юридического лица. Позвольте мне лично разбираться с этой документальной волокитой. Все будет хорошо, джентльмены! Ведь мы же джентльмены?! – разряжая обстановку, спросил он.

– Но ты же внесешь большую сумму, нежели мы, – настала моя очередь вставить свои пять копеек. – Может, все-таки скинемся поровну, по тридцать три процента?

– Мой дорогой Денис! – зловещая искорка вновь пробежала по его глазам. – Ваша с Марком доля при распределении прибыли будет равна тридцати процентам, в то время как моя – сорока процентам. Таким образом, мы и придем к балансу, читай проект договора: сорок процентов у Якуба Хикматова, тридцать – у Марка Торбова и тридцать – у Дениса Акшарова. Я думаю, теперь все стало понятно?

На этом мы и решили все вопросы. Я быстро воодушевился идеей, и эта тема обсуждалась нами еще на протяжении двух кальянов. Расходиться, конечно, никому не хотелось.

Так непринужденно сидеть и общаться в наше время становится все сложнее и сложнее. На самом-то деле, люди всегда были лицемерами, просто сейчас есть возможность лицемерить через социальные сети и встречаться лично вовсе необязательно. Все чаще и чаще люди встречаются вживую только с теми, кто им действительно приятен и дорог.

Уже в понедельник я оформил потребительский кредит в банке и отложил наличные деньги дома в конверте. Операционистка банка, такая симпатичная девушка, усердно пыталась впихать мне абсолютно ненужную страховку, от которой я весьма успешно отказался, благополучно обогнув углы непрекращающихся уговоров и доводов о том, что без этой страховки никак и никуда.

Марк Торбов заехал за мной в пятницу, рано утром. Его повидавшая виды пятнашка², казалось, на последнем издыхании везла своего владельца. Тем не менее, она раз за разом успешно справлялась с перемещением водителя и его пассажиров из точки «А» в точку «Б». Поэтому вполне можно утверждать, что машина отечественного производства продолжала радовать Марка. Конечно, российский автопром заслуживает отдельного разговора, так как слов на его описание просто-напросто не хватит.

– Ден! Ты готов? – Марк вошел в нашу с тетушкой квартиру.

Тетушка Алла решила остаться на даче недели на две, а

² ВАЗ-2115.

это мне было только на руку, ведь в Москве у нее никого кроме меня не было, тут за ней всегда нужно присматривать, а в деревне к ней постоянно заходит ее племянница. Там Алла Викторовна точно будет под присмотром.

– Да, конечно. Я готов! – закрывая окна в большой комнате, крикнул я Марку. – Можем ехать. Деньги взял, ничего не забыл?

– Обижаешь. Ты сам-то не забыл?

– Пфф! Нет, конечно. Вот они! – я вытащил из внутреннего кармана куртки бледно-синий конверт с деньгами.

Наша скромная двушка в не менее скромной пятиэтажке оставалась позади. Успешно миновав улицу Обручева, Балаклавский проспект, а затем и Чертановскую улицу, мы оказались в районе Чертаново, где Якуб снимал однокомнатную квартиру.

Марк неуклюже припарковался, и мы вышли из машины. Только мы подошли к подъезду, как дверь открылась, и к нам навстречу шагнул наш предприимчивый друг, одетый в новенький серого цвета спортивный костюм.

– Деньги у вас, парни? – сухо и без приветствия спросил Якуб, протянув, все же, тотчас руку.

– Да, Якуб. Все при себе, – пожав ему руку, ответил я за двоих. – Но мы разве не зайдем к тебе? Я думал попьем чайку на дорожку, обсудим все еще раз, разве нет?

– Нет, конечно! Мы сегодня едем осматривать объект, господа. Марк, едем в Серпухов!

– Хорошо, но я боюсь, что без навигатора нам не справиться... – протянул владелец автомобиля.

– Ну, хорошо. Пусть тогда Ден тебе будет штурманом. Я сяду сзади, мне нужно утрясти некоторые вопросы. Если все будет идти по плану, то уже сегодня, парни, мы станем счастливыми обладателями четырнадцати гектаров земли в Подмоскowie! – сказал наш баламут и прыгнул на заднее сиденье старенького автомобиля, который явно пребывал в состоянии шока от услышанного только что пункта назначения.

Варшавское, сменившееся затем Старым Симферопольским шоссе, все дальше и дальше уводило нас прочь от столицы. Пятнашка ехала бодро, быстро оставив позади Подольск, Климовск и, наконец, Чехов. Мы приближались к Серпухову – об этом говорили дорожные указатели. Якуб оторвался от телефона, отложил его в сторону и пододвинулся ближе к середине заднего сиденья, чтобы в оставшуюся часть пути внимательнее следить за дорогой.

– Скоро будем уходить направо, Марк! – понимая, что немного запоздал со своим комментарием, сказал Хикматов. – Нас интересует трасса А-108, поворот на Балабаново. Смотри внимательно, он уже скоро... А, вот и он, мой друг! Уходи направо!

Торбов лихо свернул направо с крайней левой полосы, чем вызвал неодобрительный шквал сигналов автомобилистов, что остались позади нас. По водителю было видно, что ему этот маневр принес невероятное удовольствие, ощущение

ние собственной значимости на дороге.

– Прекрасно, Марк, – успокаивающим тоном, произнес Хикматов, – а теперь выключи свой навигатор, Ден, я покажу вам короткий и быстрый путь. Обязательно постарайтесь его запомнить: боюсь, «Яндекс. Карты» не знают этой дороги! – Якуб засмеялся.

Вся серьезность испарилась, и теперь мы все втроем смеялись, вспоминая моменты из детства. Лишь изредка «главный фермер» говорил Марку, где и куда нужно повернуть.

Вскоре хорошая асфальтированная дорога сменилась грунтовкой. Проезжая какие-то непонятные лужи и гряды кустарников, очень скоро мы оказались в маленькой уютной деревеньке под названием Акулово. Визуально казалось, что в деревне около пятидесяти-шестидесяти дворов разного состояния: есть ухоженные домики, а есть запущенные донельзя. Но в целом картина была крайне умирительной.

Красота этого села покорила нас сразу же. Вокруг лес, слышен звон ручья позади старых деревянных домов. В воздухе пахло спасительной свободой, которая является столь дефицитной в крупнейшем городе России, что мы только что оставили. Мы закурили, облокотившись на капот автомобиля и глядя на быющую ключом природу вокруг нас.

– Красиво здесь, господа бизнесмены! Это ваша последняя сигаретка, которую вы выкурите, будучи безработными и никому ненужными людьми. Следуйте за мной, – Якуб решительно зашагал вперед. – Машину можем не запирать,

Марк! Вряд ли кто-то из живущих здесь честных людей посмеет украсть у тебя диск с песнями «Ласкового мая». Красть-то у тебя больше нечего! – Якуб залился искренним смехом, а мы его подхватили.

Наша скромная компания, состоящая из трех молодых людей, уверенно шагала по проселочной дороге. Успешно пройдя ветхий мост через речку, что является правым притоком Нары, мы оказались перед большим пустым полем. Здесь нас ожидал мужчина.

– Добрый день, господа! Меня зовут Александр, я улажу все вопросы по приобретению этой земли. С Якубом Харисовичем Хикматовым мы уже знакомы, так ведь? А вы, я так понимаю, господа Торбов и Акшаров? – делец жеманно улыбнулся и протянул свою хиленькую ручку. Холеный мужчина лет сорока сильно контрастировал с нами, пышущими силой и здоровьем бугаями.

– Да. Марк Торбов! – протягивая руку, деловито произнес мой друг, сильно понизив голос.

Я тоже представился, и мы подписали бумаги, которые господин Артемьев нам предоставил. Все, как и договаривались – по тридцать процентов нам с Марком, а сорок – Якубу. Когда мы подписывали бумаги и поднимали свои взгляды на Хикматова, он одобрительно кивал, как бы отвечая на наши немые вопросы: «Стоит ли подписывать это?».

Хикматов протянул Артемьеву свой конверт с деньгами. Мужчина пересчитал деньги и поблагодарил нас. Затем он

удалился, оставив нашу скромную компанию.

– Все, товарищи соучредители. Отныне мы крепко связаны друг с другом деловыми связями, – Яша расплылся в улыбке. – Теперь никаких вольностей, держим друг друга в курсе всех происходящих событий, не пропадаем, не теряемся. Вы не в детском саду, слава богу, можно таких банальных вещей не объяснять, наверное. Да, Марк? – он снова искренне улыбнулся.

– Господин главный учредитель, – Марк засмеялся, – а вы уверены, что этот женоподобный товарищ с малюсенькими ручонками не сольется вместе с нашими денежками? А то будет даже как-то обидно, что нас троих обвел этот холуй.

– Нет, дорогой мой Торбов, не сольется! Он – проверенный товарищ, – Якуб закусил губу и задумался на несколько секунд. – Теперь слушайте меня, товарищи. Ближайший месяц я не заставлю вас здесь присутствовать. Вы можете возвращаться в Москву, а я останусь тут. Этот месяц будет тяжелым: он будет насыщен разного рода подготовительными мероприятиями. Ну, вы же понимаете? Стройка, подготовка земель, закупка удобрений, подготовка планов, так ведь?

– Так-то оно так, но где ты будешь жить?

– Аренда квартиры в Чертанове закончилась, мы договорились с хозяином, что договор расторгнут с сегодняшнего дня. Мы поэтому и не зашли ко мне на чай перед дальней дорогой, так как там оставался мой арендодатель. А тут – вообще, проще простого: мне удалось договориться с одним

из местных, так что поживу пока у него в доме несколько недель. Кстати, плата совсем небольшая. Уже завтра я получу на руки все документы, которые будут служить официальным подтверждением того, что земля теперь находится в нашей собственности. Завтра же начнется строительство небольшого домика-резиденции и хозяйственных сооружений, потихоньку начнем ограждать нашу территорию. А вы можете приезжать в любое время, проверять состояние дел и ход строительства, просто, боюсь, жить вам будет негде пока что! Касательно гостиниц – все ближайшие находятся в Серпухове, да и цены там не низкие. А по планам у меня следующее – уже через месяц вы должны будете переехать сюда, что называется, «на постоянку». Какое-то время будем жить в Акулово безвыездно, пока не найдем постоянный штат, который сможет вести эту незамысловатую деятельность без нашего вмешательства, но под нашим чутким руководством. Вот как-то так, друзья-товарищи!

– Я как раз улажу все вопросы в Москве за этот месяц! – Марк, казалось, был очень рад такому варианту развития событий. – А ты, Ден, что скажешь? Ты в Москву?

– Думаю, да. Я должен собрать вещи, предупредить тетушку Аллу и только потом вернуться в Акулово. Думаю, дней через десять уже смогу вернуться сюда и составить тебе компанию, Яш! Кстати, у этого местного жителя, у которого ты будешь жить, есть еще местечко для меня?

– Думаю, мы найдем тебе местечко, Денис! Заодно мне

будет не очень скучно в этой дыре! – весело сказал Хикматов, бросив докуренную сигарету в сторону.

Через две недели после нашей последней встречи с Якубом Хикматовым я закончил все дела и оповестил тетю Аллу о своем намерении перебраться в Акулово. Она сказала, что, в таком случае, останется на даче до конца лета. Говорит, мол, в Москве одной ей будет скучно. Я не собирался ее отговаривать, ведь мне самому хотелось, чтобы она не оставалась одна в московской квартире.

Плотно позавтракав и убравшись перед отъездом в квартире, я собрал сумку с вещами и поспешил в метро. С «Калужской» я доехал до «Октябрьской», пересев затем на кольцевую и добравшись до «Курской». Удобный переход из метро прямо на Курский вокзал является несомненным преимуществом. Хотя, насколько я помню, и на Казанский, и на Киевский вокзалы тоже можно быстро попасть напрямую из метро. Впрочем, это не так уж и важно. Суть в том, что весь мой путь от дома занял не более часа. Я направился к кассам пригородных поездов купить билет и еще раз взглянуть на расписание, чтобы найти ближайший поезд до Серпухова.

Я стоял на перроне и продолжал думать о том, во что я ввязался – фермерское хозяйство в нынешних условиях для меня смотрелось отнюдь не логичным и совсем уж не «мега-рентабельным», каким нам его расписывал мой товарищ, проектом. Тогда почему же Хикматов так рьяно взялся за это

дело, вложив в него денег даже больше, чем мы с Марком. Задумавшись, я чуть не пропустил свой поезд. Сомнения не покидали мою бренную голову, мысли кружились, точно листья в осеннем вальсе. Прибытие электрички, к счастью, отвлекло меня от этих утомительных рассуждений.

Надо сказать, что теперь до Серпухова ездят прекрасные электрички, вагоны которых снаружи выкрашены в бежевый цвет. Прекрасные мягкие разноцветные сидения и кондиционер – все это намного приятнее, чем шумные старые поезда в московском метро, которых полно на оранжевой ветке. Вагон, в который я вошел, оказался практически пустым. Будний день, еще нет полудня.

Я надел наушники и включил музыку, закрыв от удовольствия глаза. За окнами пригородного поезда мелькали неопишуемые пейзажи: все утопало в зелени полей. А после станции «Подольск» от московской серо-зеленой будничности ничего не осталось – ей на смену пришла строгая насыщенно-зеленая провинциальная романтика и красота. Никаких громадных построек, только слегка разбавленная редкими бетонными конструкциями *la nature*³.

Вообще, по пути до Серпухова вагон все больше и больше пустел. Очень много людей вышли в том же Подольске, кто-то в Чехове. До конечной точки маршрута в вагоне доехало всего два человека – я и мужчина, севший в электричку, по моему, где-то на «Красном строителе» или «Битце».

³ Фр. «природа».

До Серпухова я ехал долго, даже устал от своей поездки. Два часа езды, и вот я на месте! Вокзал Серпухова казался мне каким-то неуклюжим. Помпезная надпись «ВОКЗАЛ» никак не стыковалась со всем этим увядающим видом главной железнодорожной станции Серпуховского городского округа.

Я прошел через турникеты, приложив свой билет к валидатору. У меня зазвонил телефон, но достать его из кармана оказалось нелегким делом: в левой руке у меня была сумка, а в правой тлела сигарета. Наконец, стиснув сигарету зубами, я потянулся за телефоном.

– Денис! Ты приехал?

– Да, Якуб, я на месте. А ты где-то поблизости?

– Да, стой около центрального входа в торговый центр «Атлас». Я скоро буду!

Положив трубку, я подошел к красивому зданию торгового центра серо-коричневого цвета и опять закурил. На какое-то мгновение я задумался о том, не зайти ли мне в сам торговый центр, перекусить фастфудом в «Бургер Кинге» или выпить кофе в «Шоколаднице». Но мною было решено не делать этого, а преданно дожидаться Якуба, а чтобы скоротать время, я решил набрать тетушке. Увлечшись разговором с моей боевой тетей, я даже не заметил, как возле меня оказался мой соучредитель Хикматов. Он курил и спокойно дожидался, когда я закончу свой телефонный разговор. Мы пожали друг другу руки, и направились в сторону парковки.

– Ты на машине?

– Что ты, Ден! Откуда?! – его глаза сильно округлились, а лицо Якуба выражало сильное недоумение от моего глупого вопроса, ведь я прекрасно знал, что машины у него никакой нет. – У хозяина я взял скутер. Скоро мы уже будем в Акулово. Даже глазом моргнуть не успеешь, дружище!

– Прекрасно. А шлем на меня есть?

– Могу предложить тебе скафандр! – улыбнулся он. – Брось ты, здесь ехать всего ничего, никто нас не остановит. На пути сюда я не заметил ни одного гаишника, так что никакой ни шлем, ни наколенники, ни напальчники тебе не нужны, Денис. Будь проще!

Якуб был одет просто, но со вкусом – как всегда. Легкая футболка-поло нежно изумрудного цвета, черные джинсы, черные туфли оксфорды, солнцезащитные очки и белоснежная улыбка – вот и все, что у него было в этот момент.

Благополучно и без ущерба комфорту усевшись на ста пятидесяти кубовый скутер японского производства, я ухватился за его металлический багажник. Полчаса прошло, пока мы не доехали до деревни. Поставив скутер на козла, Якуб взял у меня пакет и попросил идти за ним.

Мы вошли в небольшой деревянный дом, окруженный массивным забором из штакетников.

– Доброе утро! Я так понимаю, вы – господин Акшаров?

– Да, уважаемый. А вы, я так понимаю, хозяин дома? – несколько растеряно ответил я.

– Да, Андрей Семенович Тихорецкий. Садитесь, чай выпить не желаете? – пожилой мужчина лет шестидесяти отодвинул два стула и указал рукой сесть на них.

В движениях деда чувствовалась любовь к власти – этот человек привык командовать. Седые волосы, ясные голубые глаза и слегка розовые щеки придавали ему достаточно милый вид. Но глаза его имели свойство быстро меняться – от умилительно голубых до ужасающе синих, я впоследствии не раз в этом убеждался. Он был одет скромно: темно-синяя футболка да легкие светлые штаны. На правом предплечье – наковка, что обычно делают в нашей стране на зонах. Она представляла собой аккуратный, небольшого размера штык. «Видимо, сидел», – подумал тогда я и окинул деда оценивающим взглядом.

Мы с Хикматовым сели за стол и стали пить чай. Харизматичный владелец дома не сводил с меня глаз на протяжении всей нашей трапезы.

– Хороший ты мужик, Акшаров! – сказал вдруг хозяин. – Я сразу чувствую таких людей. Якуб не ошибся в выборе компаньона. Не могу говорить за вашего третьего, но ты мне нравишься, парень! Чувствую – надежный.

Хикматов рассмеялся, внимательно следя за моей реакцией. Я же был несколько обескуражен столь необычным, но, надо признаться, чертовски приятным комплиментом.

– Спасибо, Андрей Семенович! Подлейте еще чаю, пожалуйста! – с легка натянутой улыбкой попросил я.

Старик налил мне чай в красивую бледно-синего цвета кружку и взглянул на моего друга, который в тот момент одобрительно кивнул. Я понимал, что эти двое чего-то недоговаривают. А этого, признаться честно, я жуть, как не люблю. Я привык знать как можно больше, а если от меня что-то скрывают, то всеми правдами и неправдами пытаюсь вывести это. Уж такова моя особенность характера, если угодно.

Покончив с чаем и баранками, хозяин провел меня в нашу с Якубом комнату. Эта комната представляла собой просторную гостиную с телевизором и двумя диванами, в углу стоял добротный письменный стол из дуба, который дополнялся такого же цвета массивным стулом. Неровный деревянный пол, простенький линолеум, ковры на стенах – все возвращало меня в прошлое, чему я, разумеется, был невероятно рад. Тихорецкий озвучил цену жилья в три тысячи в неделю с человека. Это достаточно бюджетный вариант, учитывая, что проживание в «Корстоне», в гостинице, что расположено неподалеку от вокзала, обошлось бы мне в три тысячи за ночь. Разница, разумеется, достаточно ощутимая.

Разобрав сумку и плюхнувшись на диван, я посмотрел на Хикматова, который что-то считал на калькуляторе за столом.

– Как ты тут, Якуб? Как проходит наше скромное строительство?

– Все хорошо, Ден. Стройка идет полным ходом. Завтра начнешь заниматься маркетинговой стратегией нашей фер-

мы. Ты ведь у нас специалист в этой области.

– Очень харизматичный у тебя, то есть уже у нас, хозяин, Яш! – как бы пропуская мимо ушей указание друга, сказал я.

– Знаю. Он, скорее всего, отсидел в свое время – вор, рецидивист.

– Неужели он сам признался в этом?

– Нет, конечно. Сам он сказал только, что воровал раньше. Я понял, что наш дедок – рецидивист по штыку на предплечье, символу рецидивистов, который в наше время уже почти не используется в языке бандитских татуировок.

– Е! – я опешил. – Точно! Мы же с тобой в детстве интересовались этой темой. Не думал, что ты это запомнил.

– Да, как видишь, я все-таки запомнил эту информацию, – бизнесмен вытянул шею, явно довольный моим комплиментом.

– По-моему, за столом вы что-то недоговаривали, пытались что-то скрыть от меня. Неужели у нас проблемы со строителями? Почему тогда мы с Марком не в курсе? Мы же тоже на правах учредителей этого дела, Яш, – сощурившись, спросил я.

– Нет, слава Богу. Проблем нет, да и быть их не должно. А насчет недоговорок, – Хикматов отвел взгляд в сторону. – Вчера тут произошло очень интересное и странное происшествие. Интересно тебе узнать, что именно произошло, а?

– Господи, что же могло произойти в этом умирительно-тихом месте где-то у черта на куличиках? – с сильной

иронией спросил я. – Я до недавнего времени вообще о Серпухове только пару раз слышал, и то из каких-то новостей, а так и знать не знал, где он находится, – вновь усмехнулся я.

– Вчера утром местные обнаружили отрубленную человеческую кисть на обочине грунтовой дороги, по которой мы сегодня с тобой проехали. Кисть, некогда бывшая частью левой руки, валялась в невысокой траве возле здания местного Дома культуры.

– Черт тебя побери, Хикматов! Почему же ты не предупредил меня об этом? – я закусил нижнюю губу.

– А, ты разве боишься? – мой приятель улыбнулся. – Что-то я тебя не узнаю, Денис.

– Ну, как бы, понимаешь, это не нормально и, естественно, пугает меня. Может здесь орудует серийный убийца, Якуб! Человека расчленили прямо тут, в этой деревне! Ты хоть осознаешь этот факт? А мы тут с тобой чаи распиваем в доме старого деда-вора, который даже не запирает на ночь калитку во двор!

– С чего ты взял, что не запирает? – широко улыбнувшись, спросил Якуб, подняв брови.

– Да потому что когда я проходил мимо калитки, то заметил, что там нет щеколды. Следовательно, калитка на ночь не запирается...

– А я все думал, заметишь ты или нет. Молодец, Ден! Не хочешь послушать продолжение истории?

– А разве есть продолжение? Хотя это все и не совсем при-

ятно, но, зараза, жутко интересно. Но это ненормальная тема для разговоров. Я считаю, что надо перебираться в другое место. Может быть, давай лучше переедем в «Корстон»? Черт бы с этими деньгами, зато в безопасности будем.

– В какой-то степени ты прав, возможно. Но давай не будем торопиться, и ты слушаешь меня. В общем, дальше произошло кое-что, еще более интересное! – Хикматов открыл окно, прикурил и облокотился на подоконник, взяв в левую руку красивую хрустальную пепельницу. – Естественно, приехал следователь. Он приказал ментам прочесать округу, так как предполагал, что оставшиеся части тела находятся где-то поблизости. Дико неприятный тип этот следователь, скажу я честно. Пока его бездарные псы-ищейки искали другие части тела, он распорядился увезти кисть на экспертизу. Разумеется, после этого товарищ следователь совершил обход домов местных жителей.

– Но, я так полагаю, это ни к чему не привело?...

– Слушай дальше! – мой друг стряхнул пепел с сигареты в пепельницу и, не отводя взгляда от висевшего на стене ковра, продолжал. – Я проснулся вчера рано, поэтому вместе с хозяином дома был одним из самых первых очевидцев. Я думаю, все поняли, что кисть некогда принадлежала довольно крупного телосложения мужчине. Ногти на этой руке были аккуратно подстрижены – значит, человек был опрятным. Правый краешек ногтя среднего и левый краешек указательного пальцев руки имели четкий желтоватый оттенок. Что

это значит, Денис?

– Заядлый курильщик...

– Правильно, а самое главное – левша, судя по всему, так как кисть – левая! Вот такими незамысловатыми данными мы с дедом располагали, только взглянув на кисть руки. Я дожидался, когда следователь нагрянет к нам. Долго ждать не пришлось: наш дом был третьим в списке. Я поделился с ним своей информацией, он выслушал меня и попросил объяснить цель моего пребывания в Акулово. Мне пришлось в двух словах объяснить нашу с вами бизнес-идею и показать необходимые документы.

– До свидания, гражданин Хикматов! – стоя уже в дверях, сказал он тогда мне. – Я продолжу искать свежевскопанную землю в соседних поселках.

– Товарищ следователь. Я боюсь, вы напрасно теряете время! – не выдержал я.

– Почему же, гражданин Хикматов?

– Потому что расчлененное тело несли в мешке (я предполагаю, в типичном мусорном мешке черного цвета). Я думаю, убийство произошло ночью, хотя доказательств этого у меня нет. Убийца расчленил тело прямо за зданием клуба, о чем свидетельствуют лужи крови в том месте, расфасовал конечности и поспешил избавиться от тела. Но, видимо, слишком тяжело его было нести, и убийца устал, поэтому остановился передохнуть. Отдохнув, мужчина, я так думаю, схватил мешок и поднял его, не заметив, что кисть вывали-

лась оттуда. Но это всего лишь моя скромная версия. Ни на какое экспертное мнение я не претендую, я всего лишь любитель.

– Почему именно мужчина и почему мешок именно черного цвета? – следователь внимательно меня слушал.

– Убитый – мужчина. Судя по руке, довольно-таки упитанный. Согласитесь, что женщина вряд ли бы справилась в одиночку со столь тяжелой ношей? А касательно цвета – это же чистая теория вероятностей, уважаемый. Чаще всего для транспортировки расчлененного тела выбирается именно вместительный черный мусорный мешок. Это просто вероятнее, чем, к примеру, мешок оранжевого цвета.

– Логично, уважаемый... – процедил сквозь зубы следователь Мальцев. – Как раз убийца и закопал останки в землю, а так как дождя ночью не было, мы быстро найдем место захоронения. Все логично.

– Нет! Мешок тяжелый, далеко его не унесешь. Дождя не обещают в ближайшие дни, значит, свежевскопанную землю быстро найдут. Логично, что убийца решил избавиться от тела иным способом.

– Удивите меня! И каким же? – ухмылка не исчезала с его противного лица.

– Пруд, товарищ следователь. Ищите тело в пруду. Вода там мутная, из-за глины. Следовательно, тело нашли бы там нескоро, если бы я вам не дал совет, – я подмигнул ему.

Следователь прислушался к моим словам не сразу. Про-

должая прочесывать округу до обеда, его бездарные псы ничего так и не обнаружили. После обеда я уснул, а вечером ко мне вновь приехал следователь Мальцев и рассказал, что все оставшиеся части тела обнаружили в пруду. Теперь они занимаются установлением личности убитого. Вот так!

Хикматов рассказывал все это мне, эмоционально жестикулируя и соблюдая при этом все правила интонации. Хотя на минуту отвлечься от его рассказа было выше моих сил. Я ни разу не перебил Якуба, оставляя все вопросы до окончания повествования.

– Вот, вообще, на месте следователя я бы тебя арестовал первым делом, Якуб, после слов о том, где нужно искать тело. Но потом вспоминаю, кто твой отец, и вопросы у меня сами по себе отпадают. Я думаю, дядя Харис предупредил всех полицейских в округе, чтобы тебя не трогали, а использовали в качестве консультанта. Так ведь? – я посмотрел на него, он молча кивнул. – Ну ладно, рассказанную мне информацию ты получил вчера вечером. А что же сегодня утром? Есть какие-то новости?

– Есть, конечно. Убитый – некто Михаил Васильевич Бобров, житель соседнего дачного поселка с прозаическим названием «Автомобилист». Кстати, экспертиза показала, что лужа крови, неуклюже закиданная землей неподалеку от здания сельского клуба, полностью совпадает с образцами крови Боброва. То есть его расчленили прямо там, у здания клуба. Убийца быстро утомился, раз решил сделать перекур

неподалеку, и выронил из пакета левую кисть. Как тебе такое?

– Ну, я не слишком-то уж и удивлен, Яш. Если бы убитый был местным, то односельчане быстро бы заметили исчезновение своего человека.

– Может быть, ты и не удивлен, но, согласишься, это наводит на определенные мысли.

– Например?

– Ответь мне, что этот солидных лет мужчина делал ночью в нашей деревне? Уж явно не на дискотеку приехал.

– С чего ты вообще взял, что он был тут именно ночью?

– Согласен, доказательств этого пока нет. Но разделявать человека, точно это свиной окорок, днем – идея не из лучших. Человеку, который оказывается в Акулово в первый или второй раз в жизни, объяснить ночной визит убитого не представляется возможным. Но! Я тут живу уже две недели, поэтому кое-что знаю, – Хикматов сделал по-настоящему театральную паузу. – Я, например, прекрасно знаю, что в местном Доме культуры с вечера и до поздней ночи мужики регулярно, два или три раза в неделю, играют в карты на деньги. Понимаешь, к чему я клоню?

– Это же прекрасно! – как-то неуместно воскликнул я. – Ну, то есть я имел в виду, что это многое объясняет.

– Интересно! И что же? – Якуб смотрел на меня с улыбкой, сделав в это время сильный затыг.

– Убитый являлся членом карточного клуба. Вот что! А

значит и убийца тоже?

– Отлично! Серьезно тебе говорю, Денис – тебя-то мне здесь и не хватало.

– Ну, так что насчет этого клуба? Ты же по любому что-то уже разнюхал, я же знаю твою любовь к сплетням и слухам!

– Сплетни и слухи – мощнейшие источники достоверных фактов. Я выяснил, что в Доме культуры в карты играет обычно шесть человек. К тому же, только у этих шестерых завсегдатаев есть ключи от клуба. А наш многоуважаемый хозяин дома, господин Тихорецкий, и по сей день является заядлым картежником. Он лично участвовал в игре позавчера.

– Значит, он знает, кто убийца?

– Конечно, нет, Денис! Более легкого развития событий и представить сложно! Он ушел из клуба самым первым, так как в тот вечер у него сильно болело сердце. Я еще не спал, он вернулся домой около половины двенадцатого, выпил валерьянки и тотчас же лег в кровать. Я не спал допоздна, занимался этими чертовыми отчетами и планами.

– Может быть, Тихорецкий и есть убийца?

Хикматов звонко захохотал, громко хлопнув в ладоши – так выглядел искренний смех главного учредителя нашей фермы. Я понял, что у него есть весомые аргументы, опровергающие причастность нашего арендодателя к смерти мужчины из соседнего дачного поселка.

– Ну ты и даешь! Не смехи мои пятки, Ден! Я уснул при-

близительно в половину третьего ночи. Тихорецкий никуда не выходил, я бы это услышал, так как дверь его спальни сильно скрипит при малейшей манипуляции над ней. К тому же, я проснулся затем в четыре утра: из-за съеденной вечером ужасно соленой скумбрии я сильно хотел пить. Перед тем как опять лечь я проверил старика, так как переживал за его сердце. Семеныч храпел как трактор!

– Ну, хорошо! Если Тихорецкий не виновен, то остается кто-то из четырех?

– Андрей Семенович – ценнейший актив в наших руках. Он даже не додумался, что убитый – член карточного клуба, так как на тот момент еще никто не знал личности жертвы. Поэтому мои расспросы касательно участников игры, состоявшейся в тот роковой вечер, казались ему довольно безобидными. – Глаза Хикматова опустились на лежащий на столе исписанный лист бумаги. – Позавчера вечером в клубе было не привычные шесть, а семь человек: товарищ Михаил Бобров, убитый; Борис Ямпольский, являющийся владельцем магазина в соседнем селе; Тряпко, разнорабочий; Инесса Павловна Новикова, бывшая учительница городской школы, вышедшая на заслуженный покой; Иван Трофимович Пиратов, старик лет семидесяти; Шурик, местный выпивоха; ну и наш дражайший Андрей Семенович Тихорецкий. Вот каков расклад, дорогой друг! Разумеется, в голове надо держать и гипотетическую возможность, что убийца не является членом карточного клуба. Но в то, что убийца – это тре-

тье лицо, мне верится с трудом, если честно. Но пока что это всего лишь догадки. Следствие, к слову, принялось активно проверять наших строителей, ночевавших неподалеку. Что ж, пусть проверяют, хотя я в их причастность не верю: мотива нет. Кстати, как я уже говорил, расчленено тело Боброва было прямо за Домом культуры, там огромная лужа крови, присыпанная землей. Присыпана она, кстати, достаточно небрежно, что говорит о спешке нашего «расчленителя».

– Н-да! Ну и загадка, ей-богу! – я цокнул.

– Причем довольно-таки непростая, согласись.

– Надеюсь, вмешиваться в это не будем? – я внимательно посмотрел на Якуба.

– Боюсь, что не вмешаться в данном случае – непростительный грех, который будет мучить меня до конца жизни! – лицо моего собеседника приняло суровый вид, брови его практически соединились, складки на лбу стали похожи на горную долину, а пухлые губы плотно сомкнулись, придавая образу Хикматова толику сумасшествия.

– Ну, твоя правда. Значит, будем помогать официальному следствию, да?

– Боже упаси, Денис! – лоб Якуба разгладился, а суровость исчезла с его и без того мужественного лица. – Если и поделимся с ними какой-то информацией, то только для того, чтобы справедливость восторжествовала. Я не готов оказывать содействие следствию, чтобы они об этом знали. Вот раз-знаю что-то и сообщу, а пока рано делить шкуру неубитого

медведя, ведь так, друг мой?

– Все бы ничего, но строительство, маркетинговая стратегия и прочие хлопоты. Как нам быть со всем этим? – я спросил это с толикой грусти в голосе.

– Брось это! – Якуб махнул рукой в сторону стола. – Строительство полностью завершится только через пару недель, а маркетинговые исследования подождут. К тому же, я ведь не собираюсь днями и ночами напролет заниматься нашим скромным расследованием, хоть это и единственное развлечение в здешних местах. Поиск разгадки – всего лишь игра, в которую я буду играть, когда мне захочется или когда необходимо будет вмешаться! – он сжал правую руку в кулак, его мускулистая рука вся напряглась, а сам Якуб стал похож на настоящего разъяренного пса, сорвавшегося с цепи.

С пару минут мы помолчали, выкурили еще по одной сигарете в полной тишине, а затем Хикматов развернулся ко мне и негромко и задумчиво произнес:

– В конце концов, я не официальное лицо. Я никому ничего не должен. Это не моя работа, поэтому у меня есть пространство для маневра: хочу – расследую, не хочу – не расследую. Все очень просто, Денис. Ведь наше преимущество перед Мальцевым в том, что мы не обременены погонями, и с нами люди будут разговаривать как с обычными людьми. У полицейских такой непозволительной роскоши нет и в помине. Опять заниматься этим неблагодарным делом? Ты же помнишь тот первый и последний случай, когда я попытался

вмешаться в расследование? Помнишь тот шквал критики и дерьма, что на меня был обрушен после неудачной попытки? И я знал, Денис, я знал, что близок к разгадке. Мне по-прежнему ясна та картина. Я хорошо все помню и чувствую, что не сделаю я ту ошибку, то вычислил бы преступника.

– Я с тобой полностью согласен, Якуб, – с пониманием кивнул в ответ я. – Тот опыт сыщика был не слишком удачным. Мне вправду очень жаль, что все так вышло. Но давай не будем возвращаться к этой больной для тебя теме. Забудь ты уже это дело, Хикматов. Давай перейдем к настоящему. Итак, какие у нас планы на сегодня в рамках нашего скромного импровизированного расследования?

– Честно говоря, Денис, никаких планов-то я пока и не строил на сегодня. Я предлагаю немного вздремнуть, а затем плотно пообедать стряпней нашего хозяина. А там и видно будет.

– Но ты тут столько всего наговорил, неужели ты можешь спокойно уйти спать? – я был просто обескуражен его заявлением. – Яш, расчленили человека. Ты можешь поспособствовать следствию в раскрытии дела и установлении личности убитого. А ты невозмутимо идешь спать и считаешь это нормальным?

– Абсолютно, – ухмыльнувшись, ответил он. – Я еще раз повторяю – я никому ничего не должен. А действовать сейчас просто неразумно. Тут надо продумать кое-что другое. Да и к тому же мой прошлый опыт настойчиво говорит мне –

не лезь, но неумное любопытство и стремление к справедливости не позволяет мне упускать такой шанс. Следовательно ведь завалит все дело, арестует какого-нибудь бомжа из Серпухова и дело в шляпе, а сам звездочки на погоны получит. Так ведь нельзя! – махнул рукой он и побрел к дивану. – Не хочу, Денис. Мне надо все обдумать, то дело оставило слишком глубокую рану в моем сердце.

На этом мы разошлись по углам, каждый лег на свой диван. За окном щебетали птички, дул легкий ветерок, а с кухни доносились звуки поварских манипуляций Тихорецкого. В такой обстановке я достаточно быстро вырубился и уснул безмятежным сном.

После плотного обеда, с заботой приготовленного Андреем Семеновичем, мы с Хикматовым снова улеглись на наши лежбища. Я задремал и вновь на добрые полчаса, так сказать, «выпал из действительности». Разбудил меня мой компаньон, несильно толкнувший меня в плечо.

– Добрый обед! Я дико извиняюсь, что разбудил тебя. Я просто хотел предупредить, что минут через сорок-пятьдесят придет Марк. Встреть его, пожалуйста, наш соучредитель хочет посмотреть на то, как ведется строительство. И о нашем расследовании ему пока ни слова: я хочу ему рассказать об этом по телефону сегодня вечером. Будь добр, предупреди Торбова, чтобы он не нахамил нашему хозяину – Тихорецкому, как наш друг любит делать при первом знакомстве! – Хикматов рассмеялся. – Вот вроде бы и все на этом.

– А ты? – несколько растерявшись, спросил я. – Далеко собрался?

– Я хочу сходить к Тряпко: у меня сломался ремешок на часах, а он, я слышал, занимается мелкими ремонтными работами.

– Гхм... Ну, ремешок, так ремешок. Бывай, Якуб! – еще не до конца проснувшись, проводил его я своим затуманенным взглядом.

Теперь уснуть я не мог, сколько не пытался, поэтому резко

поднялся с дивана и поплелся на просторное крыльцо – выкурить сигарету. Тут же, сидя на ступеньках с облупившейся краской, курил свои дешевые сигареты отечественной марки «Ява» суровый Тихорецкий.

– Спасибо за обед, еще раз. Я уверен, вы можете дать фору любому шеф-повару! – прикуривая, начал я. Вообще, мне хотелось наладить контакт со стариком, поэтому мне показалось, что сейчас представился отличный шанс.

– Хо-хо... Сынок, слишком долго я живу один, чтобы не уметь готовить, – взгляд нашего хозяина был устремлен куда-то в сторону.

– Вы, что же, всю жизнь прожили в полном одиночестве? – с подчеркнутым интересом спросил я.

– Не думаю, что тебе это будет интересно слушать, Денис. Жизнь моя – штука отнюдь не вдохновляющая. Я называю ее собачьей, ибо ничего хорошего в ней нет и не было никогда.

Надо признаться, я был достаточно заинтригован, поэтому не смог удержаться от пламенного возражения, дабы развить желание у моего собеседника поделиться со мной историей своей жизни.

– Почему же? Мы живем тут с вами, поэтому хотелось бы знать, что вы за фрукт, – скромно улыбнулся я.

– Да рассказывать-то, в принципе, и нечего, – пожал плечами старикан. – Как бы это объяснить, сынок... Короче говоря, когда мне стукнуло девятнадцать лет, и я собирался поступать в полиграфический институт, мама умерла от ти-

фа. Отец тогда сильно горевал, что сказалось на его здоровье. Я не мог оставить больного отца, поэтому остался тут, в деревне, и устроился работать трактористом в нашем колхозе. Мечты об институте так навсегда и остались мечтами.

Тихорецкий сделал пару затяжек, не произнося ни слова. Кажется, он думал о том, стоит ли рассказывать мне это все дальше. По сути, я чужой для него, и не всякий человек отважится просто так, ни с того, ни с сего вывалить очень личную информацию. Но дед чувствовал меня как человека. Я хорошо умею располагать к себе людей, он это уловил.

– Платили мало, – Семеныч, очевидно, решил продолжить, – но на еду хватало. Знаю, сейчас принято ругать наше советское правительство, но этого я делать не буду: государство было на защите наших деревень, не то что сейчас. Все поросло бурьяном, поля даже не обрабатываются, ничего не делается! Хорошо, хоть вы есть! Земля за даром не пропадет. А так, этим проклятым капиталистам ничего не надо, ведь на земле работать – это вам не капусту стричь с дурачков городских. Руководить таким делом очень большой труд, ведь нужно много всего знать и уметь общаться с простыми работягами.

– Я думаю, мы обосновались здесь надолго, поэтому о земле не переживайте, – тихим голосом я попытался успокоить старика. – Кто знает, может, мы захотим расширить свои владения и возделывать еще больше земель. Разумеется, если все будет хорошо с прибылью, а заказы будут только уве-

личиваться. От капитализма никуда не денешься, ведь заниматься убыточным делом – это самоубийство.

– Надеюсь... – Тихорецкий опять отвернулся и посмотрел куда-то вдаль. – Так вот, как-то вечером ко мне пришел Пиратов. Ну, может, ты уже знаешь его, хотя вряд ли, ты ведь тут всего ничего. Короче, живет он в соседнем доме от меня. Этот старый пройдоха тогда предложил мне одно дело – грабануть бабу-спекулянтку, что торговала хрусталем в Мокром, соседнем поселке. Ну, молодой и глупый, я согласился. Кто ж знал, что ее муж – влиятельный человек в местной администрации... Н-да... Непростительный просчет... – мужчина цокнул. – В конечном счете, нам дали по три года колонии общего режима. Я знал, что отец не доживет до того дня, когда я откинусь. Так оно и случилось – незадолго до моего выхода на волю Тихорецкий-старший умер от острой сердечной недостаточности... – его голос слегка, едва уловимо, дрогнул, а глаза старика вмиг заволокло слезами.

– Извините, если я как-то задел вас, Андрей Семенович, – неуклюже сказал я.

– Брось, сынок. Я плачу не от горя, а от радости, что отец не мучился так долго. Н-да... – глаза рассказчика вновь стали ясно-голубыми. – Так вот, откинувшись с зоны, я уже не смог жить, как прежде. Я начал пить, что вполне естественно: контролировать меня было некому. В дни протрезвлений я в истерике бежал на могилу родителей и скулил там, точно жалкая сука. Обещал не пить, обещал жениться, – ста-

рик провел рукой по опять накрывшимся слезами глазам. – Но возвращаясь оттуда, я опять начинал пить, пуская жизнь свою под откос.

В воздухе повисла немая пауза. Я ничего не говорил, а Тихорецкий перебирал в памяти дни давно угасшей молодости.

– И вот, сынок, – резко продолжил старик. – Мне уже шестьдесят три – я так и не был ни разу женат, отсидел за воровство еще раз. Единственная радость и повод для гордости – бросил пить запоями уже как лет двадцать. Теперь пару рюмок могу только пропустить, не больше! Конечно, здоровье ведь уже не то, сынок, – он взглянул на меня, глаза его покраснели, а по лицу пробежала судорожная улыбка.

Это был совсем не тот человек, которого я сегодня увидел за завтраком. О его суровости и властности напоминала лишь наколка и могучее тело. Лицо хозяина было полно искренности, я даже несколько растерялся.

– Я рассказал тебе это не просто так, мой юный друг! Не хочу, чтобы кто-нибудь, даже злейший враг, прожил моей жизнью. Вы с Якубом – хорошие люди, поэтому, пожалуйста, не теряйте время понапрасну. Ты, я вижу, очень надежный человек, не умеющий предавать. Хикматов – очень грамотный парень, у него большое будущее, сынок. Я благодарен Богу за таких квартирантов. Вы, можно так сказать, вновь вернули меня к жизни, – слова искренней благодарности я слышал от деда в этот момент в первый и последний раз.

– Я надеюсь, мы проживем счастливую жизнь, Андрей

Семенович, да и ваша только впереди! После шестидесяти жизнь только начинается! – пошутил я, разряжая обстановку.

В ответ Тихорецкий кивнул и потянулся за второй сигаретой. Мы сидели на ступеньках в полной тишине, глядя на то, как поднимается сильный ветер. В воздухе наконец повеяло спасительной прохладой. Иногда я ловил на себе испытующий взгляд моего хозяина, но меня это не сильно беспокоило. Я понимал, что старик меня изучает, его натренированный глаз умел быстро выделять самое главное в любом человеке.

Наконец, к дому подъехала уже знакомая мне пятнашка. Марк, не изменяющий привычкам и одетый в спортивный костюм, вышел из автомобиля и помахал мне. Мы с дедом подошли к нему, и я представил их друг другу. Тихорецкий вернулся в дом, а я с Торбовым на правах учредителей «ХАТ-Фарм» пошли проверить ход строительства и обсудить всякие мелочи по дальнейшему развитию.

Проходя через ветхий мост, я невольно обратил внимание на истоптанную тут и там землю – признаки вчерашних поисков. Не слишком сообразительный Торбов шел позади меня, куря Iqos и рассказывая какую-то очередную историю, которых у него, наверное, сотни тысяч, если не больше. Марк – это сила и ничего кроме силы, ум – это не по его части. Будучи его близким другом, я прекрасно понимал, что Торбов, ни черта не смыслящий в бизнесе и экономике в целом,

не способен был оценить реальную рентабельность проекта Хикматова. Следовательно, это Якуб надоумил его вложиться в наше общее дело. Сказать честно, в глубине души у меня закрадывались смутные подозрения, что Хикматов рано или поздно обдурит нашего не слишком смышленного друга при распределении будущей прибыли. Разумеется, я не хотел в это верить и был уверен в честности нашего главного учредителя. Для Якуба, все-таки, договоренности и справедливость всегда были на первом месте в любом деле.

Строительство шло своим чередом в строгом соответствии утвержденным планам, даже несколько опережая их. Я искренне удивился темпам работы, так как фундаменты всех четырех хозяйственных помещений были уже установлены, а строительство дома-офиса было завершено почти на сорок процентов. Старший бригадир объекта отрапортовал обо всем, как в армии. Мы поблагодарили его и продолжили путь вдвоем.

Вообще, не удивительно, что все строительные работы велись с таким завидным и столь усердным рвением: после пандемии коронавируса, сильно повлиявшей на экономику России, многие строительные компании оказались на пороге банкротства. И именно поэтому они хватались сейчас обеими руками за любые заказы, точно за спасательные круги, прилично уступая в цене, дабы не дать взяться за дело проклятым конкурентам. Таков закон рыночной экономики — покупатель голосует рублем, как известно, а в условиях па-

дения уровня доходов (как у населения, так и у компаний), это ощущалось более остро.

Убедившись, что все в порядке, мы с моим соучредителем отправились обратно в дом. Крепкий чай Марку, рюмочка Андрею Семеновичу, чашка крепкого кофе мне – так наша компания села за стол. Свежие баранки, деревенские пряники, вафли и простенькие конфеты прекрасно дополняли эту картину деревенской мечты. Торбов, не прекращая, о чем-то спорил с Тихорецким. Этого у нашего автомеханика было не отнять – спорит он всегда. Но здесь вся полемика была разбавлена смехом и шутками. Так что нашему хозяину этот парень тоже понравился.

– Ну, где же Якуб? – нетерпеливо выпалил Торбов, когда мы сели покурить на крыльце.

– Он пошел к какому-то мужику починить ремешок от часов. Ляпко... Или как его там – сказал я, обращаясь за помощью к деду в установлении личности этого мужика.

– Иван Тряпко, молодой человек. Тряпко его фамилия. Он тут мастер на все руки, – объяснил нам Семеныч несколько поучительным тоном. – Но что-то и впрямь Якуб долго у него уже торчит. Не случилось ли чего там с ними, Тряпичный ведь и выпить любит.

– Вон он, этот гад! – неожиданный и громкий смех Марка заставил меня вздрогнуть. Он вскочил и подбежал к калитке, в которую уже заходил наш шеф (как его называл порой сам Торбов). – Вспомнишь его, вот и оно, да, Денис?

– А... Марк, приветствую! – парни пожали друг другу руки и направились к нам.

Мы вчетвером курили на крыльце деревенского дома, вдыхая свежий воздух. «Воздух свободы» – иначе его не назовешь. Подумать только, что в каких-то девяноста километрах от нас эта ненавистная Москва, которая заковывает свободных людей в кандалы панелек и многоэтажек. Серые бетонные джунгли столицы искалечили много судеб, но никто и не думает уезжать оттуда, наоборот, все тянутся в Москву бесконечным караваном трудовых мигрантов из регионов. Это убивает нашу страну: людей в небольших населенных пунктах становится все меньше и меньше, умирают деревни, села и даже целые города. От этого всем нам четверым становилось невыносимо больно, ведь рано или поздно столичный мыльный экономический пузырь лопнет, и что тогда?

Начинало вечереть, солнце пряталось за горизонт. Его прощальные тусклые лучи нежно обнимали крыши домов, грунтовую дорогу, бескрайние серпуховские поля и берега того самого жуткого пруда, где буквально вчера нашли хладнокровно расчлененный труп мужчины из соседнего поселка. Возможно, по деревне разгуливал жестокий убийца, а мы безмятежно курили в этой обстановке.

Марк стал собираться в дорогу. Мы напрасно уговаривали его остаться на ночь: он говорил, что еще не уладил до конца все свои вопросы в Москве, а приехал он только чтобы увидеться с нами и лично убедиться, что все в порядке. Как

я выяснил позже, Якуб созванивается с ним каждый день, но Марк все равно захотел приехать и устроить своего рода проверку. Мне показалось, что он сюда приехал оценить обстановку и понять, за что он заплатил такие деньги. Иногда у нашего друга просыпался разум, однако вскоре так же безропотно переходил в спящий режим.

– Давай, Торбов! Ждем тебя уже на ПМЖ! – с доброй улыбкой крикнул Хикматов вослед.

– Давайте, мужики! Не скучайте! Андрея Семеновича не обижайте, пожалуйста, – водитель пятнашки довольно тупо гоготнул и опустил свою пятую точку в кресло машины.

– Он сам кого угодно обидит! – весело прокричал старичок в ответ Марку, тряхнув кулаком напоследок.

Проводив Торбова, Тихорецкий отправился на вечерний чай к Пиратову, а мы с Якубом вернулись в нашу комнату. Я сгорал от любопытства и хотел разузнать, где же пробыл весь день мой друг. Он, разумеется, мог наплести что угодно, но я прекрасно понимал, что Хикматов – из тех людей, что без достаточно весомого повода даже с дивана не поднимутся, не говоря уж о ремешке для часов, которые он носит не так уж и часто. Очевидно, он вынюхивал подробности дела от игроков карточного клуба. Это я и хотел услышать из его уст, улегшись на диван и устремив свой пытливый взгляд в его сторону.

– Я так понимаю, ты от меня не отстанешь! – сказал он мне, сев вполоборота на массивный стул возле дубового сто-

ла. — Что ж, это соштрится логичным. Я знаю, что твой мозг уже перебрал тысячу возможных моих ответов, Ден, — Якуб улыбунулся. — Я с тобой сейчас поделюсь моими наблюдени-ями, а ты поможешь мне сделать выводы из всего этого и сгруппировать всю информацию.

Он глубоко вздохнул и, наверняка, начал перебирать в своей памяти все детали того, как он провел последние шесть часов. Когда этот процесс завершился, Хикматов устремил свой взгляд на красный ковер на стене и на мгновение плотно сомкнул губы.

— Этот Тряпко — пренеприятный тип, скажу я тебе. Да, во всяких мелких ремонтных работах он работяга что надо. Починил мне ремешок на часах и взял всего сто пятьдесят рублей, а ведь в Москве за ремонт просили шестьсот, а то и семьсот. Там очень тонкое крепление, и Тряпко справился с ним. Но суть не в этом! Короче, он любит выпить, что, в принципе, неудивительно: в деревне больше нечего делать, кроме как хлестать с мужиками водку да играть в карты, сам понимаешь. Он был в тот роковой вечер в клубе и ушел вскоре после Тихорецкого, так как играл с ним в паре. Когда я поинтересовался, не могу ли я вступить в клуб, он покачал головой и сказал, мол, там и так шесть-семь человек, а для игры в бур-козла хватает и четверых. Бобров, как я выяснил, участвовал в карточных баталиях редко. А если и играл, то только в паре с Инессой Павловной, которая тоже за-ядлым картежником не являлась, хотя и играла весьма снос-

но, — Хикматов многозначительно взглянул на меня, видимо, ожидая вопроса.

— Ты думаешь, что я хочу что-то спросить у тебя?

— Нет. Просто это вся информация, которую мне удалось вытянуть из этого тощего, словно тростинка, мужика лет тридцати. Не находишь это странным?

— Это неудивительно: ты человек новый, ничего о тебе неизвестно, строишь какую-то ферму тут, повергая в недоумение местных жителей. К тому же, не забывай, ты — москвич, человек с Большой земли для них... — задрал вверх указательный палец, максимально загадочным голосом проговорил я.

— Нет, москвичей они, наоборот, не любят. Так что разломать барьер недоверия будет очень сложно, если вообще возможно! — резко встав со стула, Хикматов принялся шагать взад-вперед по комнате. — Нет, Тряпко что-то скрывает, это очевидно, дружище.

— Может, так-то оно так, но этого у него не выудить, хотя... — по моему лицу пробежала зловещая улыбка, — мы можем напоить этого товарища, ведь он не сильно старше нас, так что найдем, о чем поговорить, не так ли?

— Отличная идея, Ден! Но это мы сможем проверить только завтра вечером: днем у нас будут дела на нашей территории. Там нужно будет кое-чем заняться, дружище.

— Я еще не до конца посвящен в то, какие нас завтра ждут дела, господин Хикматов, поэтому не понимаю, о чем вы, —

я прилег на свой диван и вытянул ноги.

– Об этом завтра. Так вот, после Тряпко я отправился в магазин к Ямпольскому. Разумеется, за прилавком всегда он сам. Алкоголь он не продает, что позволяет ему закрывать-ся в семь часов, оберегая себя от выходов всякой алкашни близлежащих сел. Хотя, я думаю, из-за отсутствия алкоголя в товарном ассортименте прибыль сильно хромает. Но я опять отвлекаюсь... А! У него в магазине я купил колбасы и сосисок, хотя главной причиной моего визита были далеко не гастрономические предпочтения нашего хозяина, конечно. Начав как бы невзначай разговор об убитом, Ямпольский, этот старый лис-еврей, начал уводить меня от этой темы, повторяя, дескать, «это не твое и не мое дело». Но все же мне удалось кое-что выяснить у него, – интригующе про-изнес мой друг.

– Слушай, Хикматов, не томи, а!

– Даже и не думал тебя томить, Ден. К сожалению, я не могу задавать много вопросов, потому как я не старая бабка семидесяти-восемидесяти лет, которой везде нужно сунуть свой нос. Любой мой неосторожный и непродуманный во-прос может раскрыть меня, и тогда бы он непременно понял, что я тут вынюхиваю. Короче говоря, я выяснил только то, что Ямпольский играет в паре с Шуриком.

– Хорошо. Но теперь вопрос – с кем же в паре играет Пи-ратов?

– Вот в этом и загвоздка: я не понимаю, почему он не иг-

рал в тот вечер. Надо узнать, какую роль он там выполняет. Просто я реально не понимаю, каким там боком этот семидесятилетний старикан, – садясь на свой диван, медленно проговорил Якуб.

– Давай так: наш дед всегда играет в паре с Тряпко, Ямпольский – с Шуриком, эта учительница на пенсии – с Бобровым, который убит. При всем при этом, последняя парочка играет не всегда, так как заядлыми картежниками не является.

– Не думаю, что кто-то из них соврал мне! – прервал мои мысли вслух Хикматов. – А значит, старик Пиратов выступает в роли судьи во время их карточных баталий, ведь если Бобров с Инессой не играют, то за столом все равно есть четыре человека. А в бур-козла пара на пару играют именно вчетвером. Убитый с его напарницей, выходит, играли только тогда, когда нужно было подменить проигравшую пару. Все сходится, Ден! Но этого мало, нужно больше информации.

– Но это, к сожалению, никак не наталкивает меня ни на какие мысли, которые могли бы привести к установлению личности убийцы. Если мы уж решили, что убийца – кто-то из карточного клуба, то нужно проработать все версии.

– Пока что да. Но зато мы знаем, кто с кем играет, поэтому если убийца действовал не в одиночку, то мы, выходит, в два счета установим личность его сообщника. Сдается мне, что убийца – один из шестерых.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.